

Непостижимая. Владимира Филимонова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Непостижимая. Владимира Филимонова. В. Г. Белинский

Автор «Обеда» и «Дурацкого колпака» – шуточных произведений, написанных резво, бойко и не претендующих на высокое место в литературе, – выступает теперь на поприще романиста. «Непостижимая», если не ошибаемся, первая попытка его в этом роде^{1}. Не будем рассказывать содержание этого романа, ни судить об идее его – по причинам, о которых нет надобности говорить и о которых почтенный автор, вероятно, сам догадается. Но вот что считаем нужным заметить ему.

В произведениях литературы идея является двойко. В одних она уходит внутрь формы и оттуда проступает во всех оконечностях формы, согревает и просветляет собою форму, – это идея жизненная, творческая, возникшая не через рассудок, но непосредственно, – не сама собою, но вместе с формой; это создания изящные, художественные. Другая идея рождается в голове автора независимо от формы – форма сочиняется им особо и потом прилаживается к идее. Из этого выходит, что сочинение, умное по идее (то есть по намерению автора), не заслуживает никакого внимания по форме. Причина очевидна: светлый взгляд на жизнь, глубокое чувство – могут быть достоянием многих, но способность выражать в поэтических формах свои взгляды на жизнь, свое глубокое чувство, – достояние немногих избранных. Можно быть поэтом в душе, в чувстве, в жизни, даже в политической и гражданской деятельности, – и не быть поэтом в искусстве и литературе. Кто понимает поэзию, тот уже одарен поэтической душой; но этого еще мало, чтобы самому быть поэтом: для этого нужно быть одаренным от природы творческой фантазией, которая одна составляет исключительное достояние поэта, отличающее его от не-поэтов. После этого объяснения нашим читателям отнюдь не должно показаться странным, когда мы скажем, что если б идея романа г. Филимонова и понравилась кому-нибудь, то едва ли кому может понравиться его исполнение.

Начнем с того, что в «Непостижимой» нет ни одного характера: все это образы, которые отличаются друг от друга только именами и теми отношениями, в каких автор поставил их друг к другу (то есть назвав одного мужем, другого любовником, третью любовницею). Лиц в романе довольно много; но их круг связан механически и, кроме трех главных лиц (мужа, жены и друга), все другие кажутся совершенно лишними: исключите их – и роман не проиграет. Но всех неудачнее введено в конце романа лицо Клементины: она без всякой нужды наполняет пятую часть, которая оттого и не кажется слишком тощею в сравнении с четырьмя первыми. Весь роман очень растянут; он весьма удобно уместился бы и в одной части; даже в двух ему было бы просторно. От этого действие в нем тянется утомительно: везде слова и фразы, редко мысли и картины. Является ли на сцену новое лицо – автор начинает его описывать, вместо того чтоб заставить это лицо говорить и действовать за себя. Эти описания так часты и так длинны, что роман по справедливости может быть назван описательным, следовательно антипоэтическим, потому что описание относится к поэзии точно так же, как мороз к жару или вода к вину: поэзия не описывает предмета, а показывает его. Притом же описания автора так общи, так бледны, так лишены всякой образности, так богаты словами и так небогаты содержанием, что по ним трудно составить себе какое-нибудь представление об описываемом лице или событии. Вся первая часть романа заключается в описании поэтического развития чувства в сердце героя; но вы не видите этой постепенности и должны верить на слово автору. Возьмите письма Вертера^{2}, читайте их от первого до последнего, – и вы почувствуете, как с каждым из них ускоряется биение пульса у жертвы несчастной любви, как глубже и глубже входит страсть в тайники его духовной жизни и овладевает ими. Вертер пишет к своему другу не об одной своей страсти, но и о своих занятиях, о Гомере, о своих воззрениях на жизнь: ибо смешно было бы видеть человека, который, отдавшись весь и исключительно своей страсти, только и думает, только и пишет, что о ней; гораздо естественнее можно предполагать, что часто ему самому хочется забыть о ней и что часто, как больному, ему самому не хочется слышать своих стонов и терзать ими других. Но о чем бы ни говорил Вертер, хоть бы о ландшафте, которого вид, во время прогулки, на минуту позабавил его, – везде и во всем видите вы болезненное состояние его духа вследствие несчастной страсти. В том-то и высочайшее искусство поэта, чтоб, не говоря о предмете, говорить о нем. Всего более заслуживают сожаление люди, которые делают какое-то занятие, какую-то работу из своего чувства, называют его по имени, носят на руках и всем показывают, как мать показывает своего ребенка. «Я влюблен, я люблю, – ах!» и пр. – восклицает герой плохого романа и варьирует общими местами на эту бедную тему, а читатель пусть себе зеваает сколько хочет, – автору и дела нет. Нет, читатель не хочет,

Непостижимая. Владимира Филимонова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
чтоб с ним обращались, как с дитятею, и все ему разбалтывали и объясняли:
напротив, ему хочется самому все понять, все разгадать, все оценить, а от автора
требует он только поэтических фактов.

Для убеждения читателей, что мы говорим это не произвольно, не вследствие
какого-нибудь предубеждения, выписываем из романа небольшой отрывок, из которого
можно видеть, как понимает автор образованных людей и каким образом излагает он
свои понятия о разных вещах.

– Что я слышу? Это говорите вы, графиня – женщина светская, блестящая! Я
полагал, что поэзия общества для вас милее поэзии природы...

Тут Герман, увлеченный этим разговором, сказал князю Р ***:

– О! Ипполит, если бы ты коротко знал жену мою, ты не удивлялся бы словам ее.
Поверь, мой друг, трудно, однако ж возможно соединить поэзию общества с поэзией
природы. Я часто смеюсь над этими угрюмыми философами, которые пишут толстые
книги о людях, зная их только из книг же. Они напрасно думают, что в гостиных
бродят одни пустые женщины. Нет, мой друг! в них есть достойные, необыкновенные
женщины!.. Вот, – продолжал Герман, показывая на графиню, – пример перед
тобою!..

– Послушайте, князь, – заметила Альма, – вы не слишком доверяйте другу вашему,
когда он говорит о мне. Он принадлежит к числу тех немногих мужей, которые
льстят женам своим – то есть льстят неумышленно, от чистого сердца. Герман успел
убедить себя в таких высоких достоинствах жены своей, каких она вовсе не имеет.
– Вы запрещаете мне верить Герману, графиня, – возразил Ипполит, – позвольте же
мне верить по крайней мере собственному моему убеждению.

– Только не увлекайтесь, князь, мнением моего мужа. Он судья мой пристрастный.
Но теперешний разговор наш походит на обыкновенные гостиные учтивости. Оставим
их. Они хороши там, где людям тошно под тяжелыми каменными сводами: они
неуместны под открытым небом. Забудем эту прозу. Здесь все дышит поэзией.
Будемте говорить об ней, она редкая гостья в нашей жизни!.. Точно, и в обществе
есть поэзия: но многие ли чувствуют ее? Вы не меньше моего знаете наши общества.
Дайте волю памяти. Представьте нам так называемый прекрасный свет. Блестящие,
великолепные дома, на паркете цветущие сады всех климатов, прелестная музыка,
соединение красоты... миллионы истрачивают на балы, и прекрасные балы, – для чего
же? – для того, чтобы выказать холодную, мраморную красоту Зизи, какой-нибудь
Мими; чтоб выставить на паркете бездушные истуканы, для которых в наш век
бесчудесный нет Пигмалионов; чтоб рассадить ходячие восковые кабинеты (?) за
зеленые сады; чтоб взмостить на ходули пигмеев; чтоб в праздничные слова одеть
будничные мысли... Не правда ли, в этой поэтической раме – какая прозаическая
картина! согласитесь, что для нее не нужны ни волшебные звуки, ни аромат
Востока... А наши бальные сборища не похожи ли на эту картину? Как мало
исключений, князь! как мало у нас жизни! мы танцуем, играем в вист – мы не
веселимся даже... (Ч. 1, стр. 115–116).

Муж, который книжными фразами, так простодушно, но прикрываясь даже светскою
шутливостию, хвалит другу своему жену; жена сидит тут же и, в свою очередь,
книжными сентенциями резонерствует о природе и обществе: – будто бы это общество
возвышенных душ, будто бы это князья и графы!.. А бедный Ипполит от всего этого
в восторге – чудак!.. Положим, что все сказанное Альмою справедливо, верно,
основательно; но какая же женщина (а тем более идеальная, поэтическая,
«непостижимая») будет разговаривать по-книжному?..

Две последние части наполнены почти одною перепискою героев романа Ипполита и
Альмы. Что же в этих письмах? – Исповедь двух душ, страдающих и блаженствующих в
роковой, но высокой страсти? – Откровения любви, мистика сердца, глухие
диссонансы страдания, разрешающиеся в гармонию блаженства?.. Ничуть не бывало:
это просто общие места (длинные, растянутые, беспрестанно повторяемые) на жалкую
тему: «я люблю тебя», «ты любишь меня», «мне скучно без тебя», и т. п. В этих
фразах, в этих восклицаниях не ищите ничего недосказанного, но веющего музыкою
чувства, горящего светом мысли; тут все высказано обстоятельно, точно, подробно,
и потому ничего не высказано, а только много на сказано... К довершению же всего
Ипполит растягивает свои письма выписками из разных дорожников и Guides des
voyageurs[1], описывает Дрезден, Рим, Неаполь, ничего не говоря о них нового...

Вообще, в этом романе поражает вас какая-то слишком юная, детски молодая
откровенность – в чувстве, в манере высказывать, и вместе с этим какая-то
устарелость в мнениях. Обе эти силы борются между собою, и борьба разрешается во
что-то странное. Герман, давно не видевшийся с другом своей юности, с Ипполитом,
зовет его приехать в Петербург, где нашел ему хорошее место. За этим следует
целый трактат о дружбе, которая, по словам автора, принадлежит уже к преданиям
старины, ибо-де теперь уже нет дружбы. И что же? По приезду в Петербург,
Ипполит, этот новый Орест, говорит своему Пилладу: {3} «Нет, граф, я не в силах

Непостижимая. Владимира Филимонова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru объяснить вам благодарности моей! Вы так радушно, так неожиданно доставили мне средство быть полезным в службе и быть неразлучным с вами!» Тогда Герман, называя его «добрым товарищем», просит его оставить «вы» и говорить «ты» (ч. I, стр. 45). Странная была в старину дружба, если она допускала такие китайские церемонии!.. Несколько месяцев сряду Ипполит, под разными предложениями, уклоняется от знакомства с женою своего друга. А почему? – Видите ли, в Дрезденской галерее так поразило Ипполита Доминикиново изображение Иоанна, что он приобрел себе Миллерову гравюру с этой картины и никогда с нею не разлучался. Будучи в Москве, получил он от своего друга письмо, приглашавшее его переехать в Петербург; тут взгляд на гравюру поразило его каким-то тяжелым и грустным чувством, от которого он едва рассеялся в Английском клубе. Когда, по приглашению Германа, Ипполит хотел ехать знакомиться с женою своего друга, взгляд на эстамп произвел то же непонятное впечатление и заставил его несколько месяцев уклоняться от знакомства с Альмою. Это должно быть фантастическое. Но у Германа бал – отказаться нельзя. Увидев Альму, Ипполит тотчас же запал к ней «роковой любовью», и ему стал понятен невольный и таинственный страх, так долго заставлявший его невольно трепетать при мысли о знакомстве с женою своего друга. Но, читатели, все это по-прежнему непонятно! Альма спрашивает Ипполита, почему он не хотел познакомиться с нею; он отвечает ей: «Не знаю».

– Верю, – сказала графиня и, после некоторого молчания, спросила Ипполита:

– Были вы в 1815 году в Дрездене?

– Был, графиня.

– Вы были там в картинной галерее?

– Был.

– Вы однажды поутру входили туда во фраке, с каким-то дипломатическим чиновником нашим при австрийском дворе?

– Точно, с бароном Ш ***.

– Итак, князь, на ваше «не знаю» я вам скажу, что я – «все знаю».

Далее, во время разговора, «она очаровательными глазами своими взглянула на него с таким чувством, с такою выразительностью» и заключила разговор так: «Узнаете, все объяснится... все должно объясниться». В третьей, кажется, части все объясняется следующим образом: Альма долго не хотела показать Ипполиту своего таинственного кабинета, которым давно уже раздражала его любопытство; наконец святилище отворено для него, – и он увидел там изображение Иоанна и свой собственный портрет... Мы не отвергаем, что бывают предчувствия, что человек иногда инстинктивно, непосредственно предвидит горе или радость, и потому предчувствие может играть свою роль в романе – но слегка, вскользь. Выстроить же на этом зыбком основании такое большое здание, посвятить предчувствиям и эстампам так много страниц, – это значит искать эффектов слишком юношеских...

Что же до устарелости, то вот самый резкий ее образчик. Желая возвысить свою героиню до идеального совершенства, автор заставляет ее любить русскую литературу, которую все истинно поэтические женщины полюбили, как и следовало, только с Пушкина. Мало этого: он заставляет ее читать даже «Вест-ник Европы». Теперь удивительно ли, что она фразами из него вот как судит о русских писателях:

– Не правда ли, в Вяземском большое дарование? Я люблю его – сколько в нем ума и чувства! Как он хорошо сердится! Вы, верно, знаете Баратынского? – это настоящий поэт гостиной. Духовная поэзия Глинки умирительна. Партизанские элегии нашего гусара-поэта доказывают, что война не пугает вдохновения. И в Мерзлякове есть душа: его песни хороши; одна беда – он иногда слишком запеваётся. Слепцу-Козлову вдохновение открыло божий свет. А Василий Львович? Это наш женский стихотворец, наш трубадур (конечно!..). А славный племянник доброго дяди, молодой Пушкин! Это русский поэт! Это блестящая заря: она обещает яркий свет России... Пушкин сказал:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!

Могу ли их себе представить

С «Благонамеренным» в руках!{4}

Думал ли он, что автор «Непостижимой» заставит одну из них даже судить о русских книгах фразами из «Благонамеренного»?.. Но это очень оригинально, и мы не можем удержаться, чтоб не представить читателям еще несколько выписок. Ипполит так восхитился тонкими суждениями Альмы (подлинно, влюбленные слепы, и им все кажется прекрасным в их красавицах!), что вскричал:

– Ради бога, скажите всю правду, что вы думаете о Державине, Карамзине,

Непостижимая. Владимира Филимонова. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Дмитриеве и других наших современниках?
– Охотно. Только не смейтесь надо мною: я сужу по-женски. По моему мнению, Державин неоспоримо великий поэт – и все великий, несмотря на то, что язык его теперь несколько тяжел и стар – по крайней мере для меня. Карамзин любезен, приятен, мил: в его сочинениях видна вся добрая душа его. Стихи Дмитриева – золотые! Крылов – это русский смысленый ум; его наблюдательная поэзия отличается местным преимуществом (?): она кстати (?), она в пору (?), и потому она почти (?!) народна. Поэзия Долгорукого – домашняя, семейная: он умел поэтизировать самые простые предметы, но он не всегда удачно их высказывал. Признаюсь вам, я всего более читаю Жуковского и Батюшкова, они ближе к нам. Но вы посмеетесь, может быть, тому, что я сделала с сочинениями Жуковского: посмотрите... Тогда она подала Ипполиту книгу с наклейками на листах, а на них с прекрасными рисунками. Дело в том, что, желая видеть в Жуковском не переводчика, а русского поэта, Альма отделила из его стихотворений все, собственно ему принадлежащее, а на переводных местах наклеила белую бумагу, на которой нарисовала разные виньеты. Жаль, что автор не упомянул, как велика вышла книжка – это было бы очень интересно... Любя Василья Львовича Пушкина, Долгорукого и других, Альма страстно любила Байрона, Шиллера и Гете... Все это так восхитило Ипполита, что сперва он воскликнул из глубины души: «Как вы изобретательны, графиня, в оценке истинного дарования!», а потом с умилением: «Вы необыкновенная женщина!» – Такой чудак!

Примечания

Непостижимая. Владимира Филимонова... Впервые – «Отечественные записки», 1841, т. XIX, № 12, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 31–35 (ц. р. 30 ноября; вып. в свет 1 декабря). Без подписи. Вошло в КСБ., ч. V, с. 369–376.

Сноски

1 путеводителей для путешественников (франц.). – Ред. Комментарии

1 Прозу, и в том числе отрывки из романов, Филимонов публиковал еще в 1810-е гг.; итог его раннего творчества – книга «Проза и стихи» (ч. I–II. СПб., 1822).

2 Имеются в виду «Страдания юного Вертера» (1774) И.-В. Гете.

3 Орест и Пилад – персонажи античной мифологии, неразлучные и преданные друзья.

4 Цитата из «Евгения Онегина» (гл. 3, строфа XXVII).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> интернет магазин, сайт интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!